

ГЛАВА 6.

СОВЕТСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕВЕРС: ОТ РУСОФОБИИ — К НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМУ

Гражданская война продолжается

Гражданская война, если понимать под ней жесткое противостояние групп населения, в России, вопреки утвердившемуся историографическому стереотипу, не была окончательно завершена в 1920 г. с изгнанием войск П. Н. Врангеля из Крыма, или с освобождением в 1922 г. Дальнего Востока. Это было завершением самого острого, военного, этапа. В дальнейшем идеологическое противостояние, проецирующееся на вопрос о власти, о реформах то затухало, то вспыхивало с новой силой. Новая экономическая политика являлась в этом отношении временным социальным компромиссом. Кровавые события коллективизации и массовых политических репрессий объяснялись именно логикой этого противостояния, начавшегося в Гражданскую войну. Социальная среда в значительной своей части сопротивлялась реформам, взрывающим сами основы жизни людей, привычные уклады, экономические основания, вероисповедание. По форме, практически как масштабная война разворачивался, в частности, процесс «раскулачивания». Кулаки не являлись исключительной жертвой происходившего социального конфликта. Борьба имела обоюдонаправленный характер. «Наших председателей волостных исполнительных комитетов и вообще сельских работников, свидетельствовал И. В. Сталин в октябре 1927 г., — не всегда признавали и нередко подвергали террору. Селькоры встречали обрезами. Кое-где,

особенно на окраинах, мы имели бандитские выступления. А в такой стране, как Грузия, мы имели даже восстание»¹.

Согласно официальным данным, отраженным в хрестоматийном издании «Истории КПСС» только за сентябрь-октябрь 1929 г. было совершено в Ленинградской области — 100 террористических актов, Средневолжском крае — 353, Центрально-Черноземной области за июль-ноябрь — 749. В РСФСР в течение одного года было зафиксировано около 30 тысяч поджогов имущества колхозов. И это не было исключительным протестом одиночек.

По всей стране формируется сеть подпольных организаций сопротивления коллективизации. Только на Северном Кавказе действовали «Союз хлеборобов», «Союз за освобождение крестьян», «Добровольно-освободительная армия» и др. На Украине повстанческие силы подготавливали восстание, которое должно было начаться одновременно в 32 селах. Характерны лозунги подпольщиков — «Ни одного фунта хлеба Советской Власти», «Все поезда хлеба — под откос». Вооруженные восстания вспыхнули в Кабардино-Балкарии, Чечне, Ставрополье, Дагестане, Армении, Азербайджане. Боевые действия на Северном Кавказе после революции, по сути, не прекращались. Крупный вооруженный мятеж вспыхнул в декабре 1929 г. в Красноярском округе. Восставшие захватили несколько населенных пунктов. Партийные и советские активисты на захваченных территориях были расстреляны. Депортация «кулаков» стала мерой, определяемой условиями и логикой фактической войны.

Для сохранения советской власти в деревне туда была командирована армия партийцев — «двадцатипяти тысячников». Сюжеты романа М. Шолохова «Поднятая целина» в этом плане исторически достоверны.

Отдельные диверсионные группы забрасывались на территорию СССР и из-за рубежа. Плацдармом таких забросок на Западе являлась Польша. В Средней Азии продолжали действовать басмаческие формирования. Плацдармом их дислокации выступала территория Афганистана. Из Финляндии в районы расселения финно-угорского населения направлялись пропагандисты панфинской идеологии. Диверсионные акции против советской власти составляли тактику Российского общевойскового союза (РОВС). Условия фактически продолжающейся вой-

¹ Емельянов Ю. В. Сталин: На вершине власти. М.: Вече, 2002. С. 13.

ны вызывали соответствующую военному времени реакцию. Тем более что не ушла еще из памяти победителей Гражданская война с ее «простыми» методами силового умиротворения.

Советский Союз существовал в условиях «осажденной крепости». Основной вызов формулировался и витал в воздухе в виде: «если завтра война». И действительно внешнеполитическая обстановка заставляла бить в набат. Большая война с Западом могла начаться уже в конце 1920-х гг. Разрыв дипломатических отношений с Великобританией, казалось, выводил на логику военного конфликта. И если бы война началась до осуществления Советским Союзом индустриального рывка, последствия могли быть самые катастрофические. Отсутствовала должная индустриальная база, которая бы позволила создать соответствующие вызовам времени новые образцы вооружения. Не готова к войне была и государственная элита, мыслящая в парадигме борьбы революционной эпохи. Отсюда вытекала постановка задачи форсированного рывка к достижению принципиально нового качества обеспечения государственной безопасности. Достичь его было возможно в той ситуации только в режиме общенародной мобилизации.

С начала 1930-х гг. геополитическая напряженность еще более усиливается. Формируются два очага потенциальной агрессии против СССР. На Западе — германский, а на Востоке — японский. В обоих случаях задача отторжения значительных территорий у СССР присутствует даже в публичных декларациях. Даже Н. И. Бухарин, главный идеолог «сбалансированного» (т. е. не мобилизационного) курса развития, в связи с новыми геополитическими вызовами имел основания заявлять: «Гитлер... желает оттеснить нас в Сибирь, ...японские империалисты хотят оттеснить нас из Сибири, так что, вероятно, где-то на одной из дозн “Магнитки” нужно поместить все 160-миллионное население нашего Союза». Вероятным противником в будущей войне считалась и Польша.

Грядущий мировой экономический кризис (Великая депрессия) предоставлял Советскому Союзу благоприятный шанс на решение задачи ликвидации отставания от Запада. Коллапс западной экономики еще более убеждал в правильности советской плановой модели хозяйствования.

Переход от парадигмы мировой революции к парадигме строительства социализма в одной стране предполагал соответствующую идеологическую инверсию. Необходимо было

выработать новую модель идеологии, синтезирующую идею коммунизма с идеей русской державности. Идеологический выбор в то время не был однороден и однозначен. Предстоящие гигантские преобразования могли существенно видоизмениться в своих планах и программах в зависимости от выбора тех или иных идеологических решений. Это, в победившей в итоге версии, предполагало относительный разрыв с прежней русофобской и атеистической риторикой. Созданная И. В. Сталиным система была с подачи Н. В. Устрялова определена как национал-большевистская². Но путь мог быть и иным. Закончиться он мог также иным образом в последующей борьбе как внутри страны, так и в плане ее международного положения.

Сталинская партийная чистка 1937 г. — классический образец масштабной цезарианской трансформации. На первый взгляд, этот опыт неудачен. Сталинские репрессии стали одной из наиболее мрачных страниц российской истории. Но, прежде чем присоединиться к этому выводу, следует определить характер решаемых И. В. Сталиным в 1937 г. задач.